

Рахиль Гуревич

СУХОПУТНАЯ

УЛИТКА

12+

Рахиль Гуревич

Сухопутная улитка

«Автор»

2016

Гуревич Р.

Сухопутная улитка / Р. Гуревич — «Автор», 2016

Марина – ученица лингвистического класса гимназии. Она живёт с мамой и бабушкой. Сухопутная улитка ахатина живёт в аквариуме, она – Маринин единственный друг. Марина неуютно чувствует себя в школе и приходит заниматься в секцию по гандболу. Она начинает обижать младших девочек, постепенно находит ровесниц-подруг. Летом 2010 года начинается смог, гандбольные команды едут в лагерь. Марина зарабатывает себе в лагере авторитет, надеется на любовь. Но в маленьком экологически чистом городке – тоже смог. Дымка и жара давят, донельзя истощают нервную систему. Страсти и нешуточные амбиции одолевают Марину, это приводит к большим неприятностям.

© Гуревич Р., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Глава первая. «Бредовое» мероприятие	5
Глава третья. На гандболе	10
Глава четвёртая. Стукачка	15
Глава пятая. Весенняя паника	17
Глава шестая. Аномальная жара	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Рахиль Гуревич

Сухопутная улитка

Глава первая. «Бредовое» мероприятие

Она не помнила, когда появилась Юлька. Юлька – это уля, улька, сухопутная улитка-ахатина. Большая и толстая, милая, мирная и тихая. Кажется, бабушке отдали аквариум с Юлькой. Или бабушка купила Юльку. Аквариум точно не покупала. Аквариум отдала соседка. Она тоже, как и мама, рассталась с мужем, и решила «обновить обстановку».

Неприятности начались в то далёкое-предалёкое воскресенье. У бабушки ещё разгибалось колено, и ходила бабуля без палочки. А она, Марина Любушкина, в то время одиннадцати лет отроду, была столь наивной, что думала: так будет всегда. В то воскресенье папа угостил её в фастфудной. Она загремела в больницу. И папу отлучили от неё навсегда. Вместо папы у неё теперь Юлька. Но с Юлькой они не сразу сдружились. Сначала Марина по папе тосковала сильно, но если знать, что человек не придёт, это лучше, чем ждать, когда он объявится, ждать и мучиться: придёт или не придёт – а именно так она жила раньше. Мама с бабушкой уверяли, что папа на работе, что он – трудоголик. Но судя по тому, как быстро папа женился по новой, никакой он не трудоголик, а бабник. Ну и пусть. Она придумала себе какого захотела папу, верного, любимого, благородного и богатого. Трепалась в классе, что по воскресениям ходит с папой везде: в кино, на каток, в магазины. «Карманный» папа был идеален, неотразим, выполнял все мечты. С мечтами, впрочем, приходилось быть начеку, как можно меньше выдумывать материальных благ. Если хвалиться, например, бутиком, надо же предъявить доказательство; вещь, рано или поздно придётся надеть. Все девчонки старались вырядиться в театр. Марина в театр с классом не ходила, она ненавидела театр, такая тягомотина. Музеи тоже то ещё занудство, но в музей никто не наряжался, в музей ходили сразу после школы. Все обедали в столовой, она же покупала в буфете водичку и шоколадный батончик – шоколадки ей было можно, жареное нельзя.

На каникулах их лингвистический класс должен был посетить книжнику неделю во дворце пионеров. Не пойти было нельзя, да ей и самой хотелось сходить во дворец. Пионеров сто лет как нет, а дворец жив. «Абсурдистский конструктивизм! – восхищалась классная Алевтина Ивановна. – Это вам не какой-нибудь хайтек и постмодерн!» Классная любила вставлять жанровую принадлежность везде, где надо и не надо. Например, Марина любила смотреть фильмы. Ей и дела не было до того, что фильмы ужасов – низкий жанр. Триллер и ужасы – плохо? То есть «Психо» – низкий жанр?! Да это революция в кинематографе – везде так пишут: фильм ужасов-нуар, шедевр, входит в десятку, сотню лучших. Марина это всё высказала на факультативе. Но классная сказала, что современные фильмы ужасов всё равно – дрянь, а классика есть классика, к классике она, Алевтина Ивановна, претензий не имеет. Ну ладно: Хичкока Марина в глазах одноклассников реабилитировала. А классная – точь-в-точь как та иссохшая мумия из фильма, а ещё факультативы ведёт по театру и кино – бред.

Если разобраться, то детская книга – тоже бред. Она, Марина Любушкина, – не ребёнок, сколько себя помнит, детское не читала. (Если только по программе заставляли). Марина обожала детективы, их дома – полки, полки. Бумага жёлтая, буквы мелкие – это хорошо, можно долго книгу читать и не кончается, не то, что современные: кирпич, а прочитываешь за два дня. Детективы скупал папа, оставил ей «наследство». Глянцевые обложки, с дикими уродцами, но переводы приличные. «Советская школа перевода, – говорил ей папа. – Не то, что сейчас гугл-переводчик». Детективы – Маринино всё. Марина всё-всё во взрослой литературе понимает. Но классная так не считает, ведёт во дворец на экскурсию их шестой лингвистический «А»,

заодно посмотреть на книжки для детей. Ну и норм. Там во Дворце много всего, и – главное! – спортивный корпус. Марина давно хотела там побывать. Во Дворце же гандбольная секция, Марина гандболом заинтересовалась после песни «Сплин». «Мама мы все больны гандболом». Марина как раз в больнице после отравления лежала, а эту песню по радио крутили по три раза в день.

– Ну что, Любушкина, и где твоё платишко? – презрительно лыбился в гардеробе первый красавец класса Киса (первый придурок в рейтинге Марины). Киса был смугл, черняв, маленькие чёрные, как у крыски, глазки, мясистый нос-шнобель – овал лица как у всех героев сериалов сразу.

Зачем только она сто пятнадцать раз хвалилась историей про бутик и про то, как папа дал ей двадцать тысяч на платье?! Сегодня она специально, напоказ, оделась в «рваньё»: рваные (это слякотной весной-то!) джинсы, клетчатую рубашку. Из дома-то она уходила в нормальных «цивильных», по выражению мамы, джинсах. Но все портки снимались в лифте или на лестнице. Марина стала метеором по части переодевания джинсов, брюк и непромокаемых штанов – всего того, что её заставляли надевать дома. «Марток – надевай семеро порток», – из года в год повторяла бабушка. Бабушке дай волю, она и десять заставит натянуть.

Кису на самом деле звали Валера Киселёв. Кличку Кисель он ненавидел. Марина сделала каменное лицо:

– Заткнись, Кисель. Я не в ресторан пришла, а на неделю, блин, книги. детской книги!

Киса в ответ уставился глаза в глаза, не мигая.

– Под Хаоса закос?

Марина обожала Хью Лори. Она и театр поэтому ненавидела. Театр может быть только в Англии. Лучше Хью нет никого.

Марина моргнула, смахнула предательскую, от напряжения, слезу. Киса победил.

Киса кошачьими повадками был противоположностью Хью Лори. Тот англичанин, настоящий актёр, трагик и комик, в «Дживсе и Вустере» ещё и миллионер, аристократ, а Киса – сын кассирши супермаркета. И ничуть этого не стесняется. При этом он не беден, не то, что Марина. Точно ни на зарплату мамочки живёт.

– Да, Марин, где же платье-то, которое вы с папой покупали? – спросили и одноклассницы. Марина ненавидела лицемерных девчонок из класса, приходилось врать и лицемерить им в ответ

– Коко Шанель говорила: одежда должна быть к месту! – Марина умела отбиваться от девчонок, всё-таки скоро два года в этом классе. Главное – ответить, не молчать, ну и фэйс высокомерно-пренебрежительный соорудить.

Киса хмыкнул, девчонки стали перешёптываться, но отстали. По совету папы Марина научилась сыпать фразами от «великих». На самом деле, всё выдумывала, но даже учителя велись; ни разу Марина не прокололась с якобы «цитатами» на сочинении.

Толстая жаба, вся в зелёном, то есть женщина в костюме цвета весенних садов, водила их класс по дворцу и, как маленьким, рассказывала о кружках и студиях, заводила в кабинеты и залы. Групп, пришедших на экскурсии, было много и толстых жаб, соответственно, тоже. Некоторые экскурсоводы даже были не толстыми, а одна попалась вообще не жаба, симпатная, даже очень, но она мелких водила. Почему-то мелким попадаются красивые молодые экскурсоводы, но чем старше класс, тем уродливее экскурсовод – Марина это постоянно замечала. Один раз, в каком-то частном музее, был экскурсовод-мужчина. Вот он был крут. Но завернут на своих юртах, Севере и чукчах. Нет! Марина завернутых мужиков не любила. Мама говорила:

– Хуже замороженного мужика нет ничего.

«Художественное слово», «Древние цивилизации», «Поэтический» – квакала про кружки жаба-экскурсовод, тыча указкой на двери с табличками. Как будто они сами читать не

умеют. «Поэтический» – на этом слове Марина переключила воспоминания. Стихи Марина не любила. Стихи показывали слабость. Над ней так в старой школе смеялись, когда она свои стихи на уроке прочитала. Больше Марина не сочиняла. Ну так, иногда одну-две строфы, не больше. Слово должно быть чётким, слово – оружие, оно должно убивать, так учил её папа. Марине это удавалось. Да и поэтам это удавалось. Ну, Лермонтову, Маяковскому. А современная поэзия – фуфло сплошное, ерунда. Только у одной поэтессы Марине нравились стихи о том, как одиночество павлиньими перьями высовывается из подушки. Это Алевтина Ивановна, большая любительница поэзии, читала как-то на факультативе по кино и театру. Сказала: хоть и «шестнадцать плюс», всё равно прочту, вам по двенадцать лет, в двенадцать можно.

Шестой «А» завис в игротеке. Некоторые, как малыши, стали собирать гигантский конструктор; кто-то стал играть в странные игры с проваливающимися в бездну спиралей и лабиринтов шариками; самые умные стали двигать на клетчатых столах гигантские шашки и шахматы. Марина ходила по игротекке нетерпеливо, мучилась: когда же, когда, нас отсюда уведут?! От нечего делать пнула носком угги огромные мягкие кубы... Угги знатные, суперские, мама в аутлете немецком купила. Жаль Марина похвалилась, что мама в Германию ездила. Надо было сказать, что это папа угги купил. Киса совсем долбанутый, причапал в кедах. Это по соляному снегу-то! Весь промок, идиот.

Инструктор игротекки – маленький сухонький мужичок в алой атласной косоворотке, подпоясанный кушаком, был похож на волшебника. Он усадил Марину за игровой стол. Стал объяснять какую-то игру. Кружки деревянные, их надо выиграть как можно больше, выигранные вставлять в специальные отверстия. Она ничего не понимала, но мужичонка всё подсказывал, объяснял, он толкал кружочки-колёсики и за себя и за неё – кружки катились по фанерному полю, проваливались. Марине казалось, что она сходит с ума. Марина бросила очередной кружочек на игровое поле – кружочек закатился в щель.

– Выиграла, – обрадовался мужичонка, подарил Марине игрушку – пластиковый крест, одна сторона – синяя, другая – белая.

– Любушкиной бумеранг подарили! – крикнул Киса.

– Красавицу ещё и Любушкина звать? – хозяин игротекки подмигнул Марине, он церемонно, целуя руку, попрощался с ней и убежал встречать следующую группу.

Марина и не знала, как выглядит бумеранг. Она встречала в детективах: зло (разного калибра и в разнообразном облики) вернулось бумерангом. Почему-то о добре никогда так не писали. Добро вернулось бумерангом – похоже на оксюморон. Она на этом оксюморе чуть не срезалась, когда в эту «лучшую» школу поступала.

Она не поверила хозяину игротекки, когда он назвал её красавицей. Бабушка твердила, что для старых все молодые – красавицы, чтобы Марина никому из мужчин не верила. Но всё-таки было приятно, что этот «игроман» (он же реально целый день при играх) отметил её, скромно одетую, ненакрашенную. Марина даже волосы не распускала как другие девочки, распущенные волосы мешают, лезут в рот, ими цепляешься за всё.

Их повели по коридору в спортивный корпус. Наконец-то! Бумеранг она так и держала в руке: защита на случай, если Киса полезет обниматься, он это любил, такой у него был прикол. Они вышли балкон. Вдоль стен – обшарпанные стулья. Около перил тоже стоят стулья, на них восседают тётки, мужики стоят у перил, кричат. Под балконом – огромный спортивный зал, разделенный сеткой на два. В одной половине – гимнастки скачут с лентами, в другой – красивые быстрые пацаны бегают от ворот к воротам, закидывают мячики. На стене – огромный, высотой метров в пять, фотоплакат: красавец в полёте, он на корпус выше, размахнулся – кинул мяч. Только-только кинул. Мяч, небольшой, похожий на футбольный, но меньше, начинает свой полёт.

– Ну пас же! Пас! – гаркнул крупный мужик и грязно выругался, обернулся на жабу-экскурсовода, стал оправдываться: – Пять лет вместе играют, а всё сам и сам, пас же надо дать. Обижается, что не полусредний, что край тащит¹.

– Сейчас здесь проходит турнир города по гандболу, – скривилась тётя-жаба. – Не будем мешать.

Марина осталась на трибунах с болельщиками. Ей хотелось посмотреть на незнакомую игру, про которую поют «сплины». Да и гимнастки радовали: худенькие, как она, длинноногие, нет у них «форм», как и у неё.

С первого взгляда игра увиделась такой: все бегают от ворот к воротам, мяч перебрасывают, передают. То и дело случаются потасовки: кто-то не даёт сделать пас и хочет мяч отнять, другой же игрок, наоборот, пытается обмануть, пробиться к воротам, не смотря ни на что найти лазейку и забить гол...

– Любушкина! – знакомый наипрепротивнейший баритон, который все учителя находили вполне приятным, а историчка, женщина неопределённого возраста, так та просто таяла. – Пошли: тебя не касается?

Она не обернулась, процедила:

– Иди отсюда, Кисель. Заблудишься.

– Да ну. Они пошли к книжным прилавкам, там какой-то чудака автограф-сессию устроил.

– Не чудака, а писатель.

– Я и говорю – чудака. Кто сейчас не писатель – все писатели. Ты вот прикольные заметки в статусах пишешь, жаль, что редко, я... – Киса не успел договорить, его перебил здоровый мужик:

– Слушайте вы, чудаки на букву «ме», идите отсюда, смотреть мешаете. За третье-четвёртое место парни бьются. Пшли, кому сказал!

Киса уже открыл рот, чтобы ответить что-нибудь пошловато-остроумное, покривляться с клоунскими ужимками, но Марина не стала дожидаться развития конфликта. Всё равно нормально теперь не посмотришь. Грубость мужика будет витать на балконе. Она пошла к выходу, Киса побежал за ней.

– И куда нам?

– Дебил, не пойму?

Она сама не была уверена, куда идти. Первым делом покинуть спортивный корпус, потом спросить можно. Спрашивать она умела: соорудить невинное лицо, скромно улыбнуться, заморгать глазами-блюдцами, плюс пара вежливых оборотов «вас не затруднит», «будьте так любезны» – всегда объясняли. Она так сейчас была взбешена: Киса окончательно испортил ей настроение, а теперь ещё раздражённо цыкает в спину. Выйдя из коридора, ни секунды не задумываясь, чисто по наитию, она выбрала верное направление и скоро нашла столы с книгами, прошвырнулась, ища своих – нашла. Одноклассники слушали какого-то мужика в дорогом свитере, улыбались, отвечали. Она тоже стала слушать, но ничего не понимала. Слышала отдельные слова, но смысл фраз не доходил до неё. Киса в унисон мужику стал кому-то трещать, что «Любушкина-то наша – гандболистка».

Глава вторая. Улька

Юлька ползала по руке...

Два года Марина издевалась над Юлькой, мучила её – бессловесная тормознутая тварь пожаловаться не могла, сдачи дать не могла, противным голосом передразнить, как Киса, не могла, гримасничать не умела тоже. Единственное, что она делала – пугалась своей хозяйки, «бежала со всех ног», которых у неё не было... Марина специально сыпала на дно аквариума

¹ Наибольшее количество бросков совершают полусредние игроки, они бегают справа и слева от средней линии поля. Крайние игроки бегают по краям поля, они чаще обмениваются пасами, пасы делают полусредним.

камешки – улиткам нельзя камешки, им нужна мягкая земля и листики салата. О камешки улитки царапают панцирь, могут и разбить его вдребезги. Но это надо очень уж постараться: острое что-то раскидать на дно аквариума и шмякнуть ульку со всей силы. Не-ет. Марина на такая. Иногда её подмывало шмякнуть, особенно, когда в школе противные одноклассницы не верили её рассказам о папе. Однажды, придя домой сильно не в духе, Марина даже размахнулась, чтобы убить этот вонючий комок слизи, спрятавшийся в домик-панцирь. Но передумала. Именно в эту секунду порыв злости улетучился – Юлька забрала хозяйкину злость и обиду на себя. Взяв в кулак несчастную ульку, Марина почувствовала это сердцем, умом, душой, внутренностями, селезёнкой, которой у неё не было...

Селезёнку удалили в двухлетнем возрасте. Папа купил дачу. В первое же лето Марина упала с крыши подземного гаража. Она до сих пор помнила удар, сотрясение, что-то внутри хлопнуло, лопнуло как воздушный шар. Тогда крыша гаража казалась ей высоким обрывом, а всего два метра высота-то. Неудачно упала Марина, да. Но без селезёнки жить можно – Чехов тринадцать лет подписывал фельетоны «Человек без селезёнки», значит она, Марина, как Чехов. Правда, у него селезёнка была. Марина по совету врачей пила разжижающие кровь препараты и берегла печень – печень взяла на себя функцию селезёнки. Если питаться правильно, Марина ничего не чувствовала, никакого дискомфорта. Марина и на физру ходила.

Юлька – в сжатом кулаке. Злость ушла. Марина вдруг поняла, что Юлька – единственный друг, и перестала её мучить. Не баловала, нет. Улитка и не поняла бы, если бы Марина стала её баловать. Но Юлька, эта безмолвная тварь, почувствовала, что хозяйка теперь дружелюбно настроена, стала ползать по руке, оставляя влажный тёплый след. Юлька впервые тогда ползала по руке Марины, не пряталась в свой пластинчатый домик (раковина нарастает пластинками). Теперь после школы Марина бегом бежала домой, мыла руки, шла к себе в комнату, переодевалась, пила воду и, пока бабушка готовила или разогревала еду, Марина разговаривала с Юлькой. Марина опускала жалюзи, зашторивала окна – улитки не любят свет, им бы всё укрыться, найти укромный угол. Марина доставала Юльку из аквариума, клала себе на руку, садилась, расставляя руки на письменном столе, как первоклашка, выпускала на своё худенькое предплечье Юльку. Улитка сначала не реагировала, потом из-под панциря показывалась рожка, следом вторая, скоро Юлька вытягивала всё своё жирненькое слизистое тельце, худела на глазах, и начиналось путешествие по плечу, предплечью, ладоням. Юлька ползала, а Марина рассказывала:

– Ты не представляешь, Юль, как тебя повезло, что ты улька, улиточка моя, ахатиночка. Лежишь себе в земле, жуёшь свой салат и сухие трупики червячков, и знать не знаешь, что такое эта наша, прости господи, гимназия. А это ад. В особенности наш класс. И тупые, читают только по программе, пишут плохо. Ошибки, правда, не лепят, как в старой школе, но у нас шесть русских в неделю, а не как в нормальных школах – четыре. Короче, тупые челы, несут бред, только и хвалятся, у кого тачка круче. Эх, Юль! Вот бы меня бабушка на «инфинити» из школы забирала! Тогда бы я им всем нос утёрла. Но не судьба, папа бросил, мама бедная, хоть у бабушки пенсия военная. У нас же с тобой, Юлька, бабушка – майор, во как. А Киса этот, ну Киселёв, debil один, в него все девчонки влюблены, так он, прикинь, Юль, как первого сентября рядом со мной сел – ну, я тебе говорила, ты помнишь? – так уже пять дней согнать его не могу. Ну, он и шоколадки мне приносит из буфета, воду, всё за свои деньги берёт, всё-таки экономия. И перестал на меня нагло смотреть, с обнимашками больше не лезет, просто смотрит, по-дружески. Это позорище, что я с ним до сих пор сижу. Он ещё, Юль, рюкзак мой таскает. Всё, Юль, бабушка с кухни зовёт, ты всё равно не слышишь. Ты – на обед, и я. Марина осторожно опускала руку в аквариум, прислоняла к стеклу – Юлька сползала с руки на стекло, она уже знала, что аудиенция закончилась, сейчас будет еда. Она спускалась по стеклу вниз, к земле. Марина отрывала салат – он рос круглый год тут же в цветочных горшках. Марина сама его сажала специально для Юли: и салат, и кресс-салат, и пекинскую капусту.

Глава третья. На гандболе

Она поехала во Дворец, никому ничего не сказав. Завернула в спортивный корпус. Вошла в фойе. За барьером гардероба, как за прилавком, сидели люди в футболках и спортивных костюмах, они записывали в спортсекции. Ажиотаж наблюдался около треножника с плакатом: гимнастка с лентой летела над землёй, будто она фея рассвета. Тусня из ухоженных, лента вилась спиралями, вычерчивая в облаках сердечко. Везде эти сердечки, Марина ненавидела эти сердечки. Сердце совсем не так выглядит, а вот селезёнка на эти сердечки похожа... Марина прошла мимо разделительного барьера. У таблички «гандбол» сидела красивая женщина. Идеальный овал лица. Женщина с подиума. Тёмно-каштановые слегка тонированные краской волосы – на прямой пробор, гладко зализаны.

Марина подошла, улыбнулась, поздоровалась.

– Год какой? – рявкнула женщина низким прокуреным голосом.

– Девяносто седьмой.

– Нормально. Говори фамилию.

Марина назвала.

– Шорты, футболка, кроссовки. Первая тренировка в следующий понедельник, – женщина протянула Марине визитку. – Подружки есть?

– Есть, – наврала Марина. Не могла же она сказать, что у неё никогда не было подруг.

– Приводи! Команда – во как! – женщина сделала характерный жест ребром ладони поперёк шеи.

– Я в гимназии учусь. Никто гандболом не увлекается.

– Ну и дураки, – рявкнула женщина. – Всё. Жду. А вы чего? Тоже ко мне? – женщина ослепительно улыбнулась какому-то деду. Дед с обросшей седой шевелюрой, но гладко выбритый, подошёл, когда тренер протянула Марине визитку, встал и стал слушать.

– Да я внучку записать. Хотел в оздоровительную группу ОФП, но вот заинтересовался...

– Год какой?

– Девятый сейчас год... Две тысячи девятый...

– Да нет. Внушка какого года рождения?

– Вроде, двухтысячного.

– Рост?

– Сейчас позвоню, узнаю...

– И год уточните, пожалуйста! – женщина всё улыбалась. Не Марине, нет! А этому поношенному деду.

Дед достал из кармана чёрных джинсов дешёвый мобильник, направился к выходу. Марина постояла неприкаянно и тоже вышла. Дед разговаривал по телефону:

– Соня у нас какого года? Значит, я правильно сказал. Слушай: может, на гандбол запишем? Тренер такая злая, сидит с тетрадкой, никто к ней не идёт. Да вот и я подумал. Она рост спрашивает. Какой у Сони рост? Понял. – Дед положил мобильник в карман.

Марина пошла домой. Записаться оказалось так просто, а она думала отбор будет, просмотр, форму захватила. Она посмотрела на «визитку» – обычную бумажку, распечатанную на принтере. Тренера звали Елена Валерьевна.

Оставшиеся четыре дня она волновалась, жаловалась Юльке:

– Нет, Юль, я сама не своя. Вдруг у меня не получится? Ещё мелких набирают. Двухтысячного года. Вообще кошмар. Может, они в другой группе будут?

Юлька замерла, шевелила рожками растерянно, как бы сочувствуя.

– Ути, ты моя прелесть, – Марина аккуратно опустила Юльку в аквариум, порвала с салата начинающие желтеть листочки.

До понедельника Марина как-то крепилась. Каждый день думала: всё-таки ещё не понедельник, ещё обыкновенная жизнь. Но в понедельник начала волноваться по-настоящему, её трясло, она не могла даже пить. Никто, кроме Юльки, не знал, куда она записалась. Бабушку и маму она уверила, что записалась в группу ОФП.

– Просто пробежки, пинг-понг, зарядка. Типа фитнеса.

Мама была против, бабушка – за.

– Мариночка! Ты же инвалид! – всплескивала руками мама.

– Инвалидность перед первым классом сняли, – резонно замечала бабушка. – И после восемнадцати никто ей группу не даст. Я узнавала. Без селезёнки все живут и прекрасно работают.

– Если нас из инвалидов срезали, чтобы льготы не давать, это не значит, что Марина перестала быть инвалидом, – возражала мама.

В большой медицинской карте, которую они с мамой отнесли в старую школу, в графе, где отметку делал хирург, было написано чёрным по белому (синим по жёлтому): «удалена селезёнка», и дата. В рекомендациях – «неосновная (II-ая) физкультурная группа без участия в соревнованиях» – такие же группы ставили и сердечникам с брадикардией или тахикардией, и диабетчикам, и тем, у кого давление – у Марины и в старом и в новом классе были такие. Марина, по совету умного врача, не афишировала свою неосновную группу, она честно сдавала все нормативы: прыжки с места, канат, опорный прыжок через козла. Дорогуший врач, какой-то светило, к нему Марину отвёл папа, сказал:

– Движение, физкультура и закаливание обязательны.

Он был классный, этот светило. Милый доктор, молодой, улыбчивый, похожий на зубного врача с рекламного плаката. Он посоветовал народные средства: отвары трав и растительные таблетки для укрепления иммунитета. И витамины.

Когда Марина перешла в гимназию, ни врачиха, ни физрук ничего ей не сказали. В старой школе хотя бы на диспансеризации хирург многозначительно кивал головой, изучая карту. Диспансеризацию от гимназии они проходили в поликлинике по соседству, а не в той, куда Марина с детства ходила. Хирург в новой «гимназической» поликлинике привычно и раздражённо шлёпнул прямоугольный штампик «без патологий» в новую клетку. Марина тоскливо усмехнулась: снова стала здоровой, выздоровела.

Бабушка и мама поругались. Бабушка победила, и на ОФП Марину отпустили.

Пока ехала, Марина отвлеклась. Напоминания мамы всегда наводили на тоскливые мысли о смерти. Марина думала: вот люди здоровые, идут себе весело, а она – не здоровая. Успокаивало то, что Марина никак не ощущала, что селезёнки нет. Главное не есть жирное и жареное. Главное – вообще поменьше есть, не перегружать пищеварительную систему...

В спортивный корпус Марина вошла в жутком настроении, забитая и подавленная. Сдала недовольной гардеробщице мокрую куртку (на улице моросил дождь). Злой охранник позвал администратора, та спросила, к какому Марина тренеру и провела её через длинный коридор в серое подвальное помещение. В помещении располагались двери.

– Слева – мужские, справа – женские.

– Что?

– Да раздевалки, девочка, раздевалки.

– А в какую мне?

– Да в какую хочешь. Обычно гандбол в восьмой.

Марина открыла дверь с табличкой «8» – там было темно.

– Свет включи!

Марина стала озиаться в поисках включателя.

– Дальше, дальше по коридору.

Марина прошла по коридору – остановилась в недоумении: на стене было два ряда клавиш.

– Да нажимай все, – сказала администратор. – Сейчас и гимнасты подойдут, и офпшники, и гандболисты.

Марина потыкала в клавиши выключателей.

– Ты первый раз?

– Да.

– Заметно. Худенькая. Девочки у нас в гандболе крепенькие. Ну ничего. Лучше, чем жирненькой-то быть.

– Александра Юрьевна! – бас охранника.

– А! Чтоб ты, – бросила в сердцах администратор. – Везде эта безопасность чёртова. Пропуски тренер сегодня выдаст. Фотографию не забудь прилепить, три на четыре. – И администратор захромала по коридору встречать новеньких.

Марина зашла в раздевалку, стала переодеваться. Скоро в раздевалку вошла жирная огромная девочка, с длинной русой косой.

– Ты к Елене Валерьевне?

– Угу.

– И я.

– Ты первый раз?

– Угу, – как Марина ни волновалась, но она не собиралась общаться с этой толстухой.

– И я. Меня Варя зовут. – толстуха вопросительно посмотрела на Марину.

– Марина, – еле выдавила из себя.

Появились ещё три девочки. Они весело болтали, обсуждая отстойную песню и блокнотики. Невысокая девочка Маша с выпяченной вперед челюстью верховодила.

– Вы к Елене Валерьевне, девчонки?

– Да, – кивнула Варя.

– С нами будете. С прошлого года только мы втроем остались. В одной команде будем. Я – капитан. Я – Маша. А это – Даша и Поля.

«Я не могу, – подумала Марина. – Это квадратная челюсть – капитан. Держите меня!» Но вслух ничего не сказала.

Вместе с Машей и её подругами Марина и Варя поднялись по лестнице в зал, прошли мимо сетки, за которой под музыку и истошные окрики тренера занимались гимнастки.

Елена Валерьевна сидела за столом.

– О! Маша! Познакомились?

– Да.

– Твоя новая команда. Разминку проводи. У меня ещё мелкие подойти должны.

Маша побежала по залу. За ней – остальные. Через пять кругов с Вари начал катиться пот. Она пыхтела:

– Давай остановимся.

Марина сделала вид, что не слышит. Пробежка закончилась ещё через два круга. Марина озиралась: где Елена Валерьевна? Красавица-тренер стояла у стола, разговаривала с какой-то женщиной. Девочка, в фирменных шортах и симпатичных сетчатых кроссовках с сиреневой подошвой, стройная и загорелая, с короткой стрижкой, стояла и смотрела на зал, на высоченные потолки на огромную фотографию гандболиста. Через окна под потолком пробивались сентябрьские лучи, освещая зал полосами. Значит, дождь закончился, значит распогодилось.

– Маш! – крикнула Елена Валерьевна. – Ещё Соня будет с вами.

«Ах, Соня! – подумала Марина. – Это, значит, её был дед. Мать тоже дешёвка. А девочку одели хорошо.

– Бегай пять кругов, – сказала Маша Соне.

Пришли ещё три девочки, тоже мелкие, сильно ниже Сони, тоже с мамами, и тоже стали бегать. А Елена Валерьевна всё говорила и говорила с мамами. До Марины долетели слова:

– Нас с баскетбола выгнали. Вы-то не отчисляете?

Марина удивилась: неужели из секций выгоняют...

Началась разминка с мячиками. Марина надеялась, что её возьмёт в пару Кристина Щетинская, симпатичная девчонка с курчавыми волосами, собранными в пышный хвост. Но Кристина отошла к воротам, и Елена Валерьевна с другим тренером, вдвоём, стали лупить по воротам мячами. Кристина – вратарь, поняла Марина. И ей пришлось встать в пару с жирной Варей. Мяч эта толстуха пасовала на удивление сильно. Марина еле стояла на ногах. А ведь это только разминка...

К зиме Марина освоилась на гандболе, привыкла, осторожно рассказала правду и бабушке. А уж бабушка «успокаивала» маму. Марина была собой довольна. Она не сразу огоршила свою гипер-опекунскую семью, она постепенно. И добила своего. Сразу бы если сказала о гандболе, ни за что бы не отпустили. А сейчас, по прошествии трёх месяцев, смирились. К этому времени всех мелких, кроме дуры-Сони, они с Махой выгнали. Травили девчонок потихоньку, и только если не было поблизости администратора Александры Юрьевны. Вырубали мелким свет в раздевалке, закидывали мячи (мячи были подписаны) за маты и сетки, в самый угол. Прятали сапоги, разбрасывая их по соседним раздевалкам. Обзывали конечно, но не на тренировке – Елена Валерьевна наказывала отжиманиями, если замечала.

После тренировки Марина по-прежнему была одна. «Тройка» Маши жила неподалёку, они вместе приходили, вместе уходили. Вратарь Кристина оставалась ещё и на вторую тренировку со старшаками. Варю ждала бабушка, весёлая общительная жизнерадостная, как все толстухи, она так радовалась, что Варя сбросила за четыре месяца пять килограммов, рассказывала об этом и охраннику и хмурым гардеробщицам и администраторше Александре Юрьевне. Марине приходилось выслушивать нескончаемые трели бабушки Вари, ну и с Варей, понятное дело, общаться, иногда плестись с ними до остановки.

У Елены Валерьевны была звёздная старшая группа, сыгранная команда, сильная. Они приходили к шести вечера, переодевались в соседней раздевалке, в девятой. В десятую раздевалку входили старшие мальчики. «Как-то странно, – размышляла Марина. – Парни моего года тренируются до нас, старшие – после нас. Почему, интересно? Почему не с нами? Почему мы в одиночестве?» Ровесники Марине на фиг были не нужны, а вот старшие... Вот бы с кем она хотела брести до остановки сколь угодно долго. Она рассказала бы своему парню и про папу, и про Юльку, и про прилипчивого Кису, который подарок ей уже на Новый год приготовил. «Сто пудов – духи», – предположила бы Марина и сморщила перед воображаемым собеседником носик – у неё это здорово смешно выходило. «Единственный выход – тренироваться, – думала Марина. – Тогда рано или поздно я буду тренироваться со старшими. Вон, Кристина Щетинская, тренируется же. Но она вратарь...» Кристина была на год старше Марины, и какая-то уникальная у неё была реакция, и растяжка тоже приличная. Марина же пока на тренировках не блистала, но старалась: с февраля начинался турнир.

На турнире Марина крайняя. По другому краю бегала Соня. Маша –линейная, она мячи у противника молниеносно подбирает, Варя полусредняя, еле бегаёт, своей тушей пробивает защиту, удар сильный, мяч летит в ворота, но чаще мимо. А Марина – вообще не забивает. Крайние вообще мало по воротам бьют, крайние подбирают мячи по углам. А вот противная мелкая Соня забивает и с угла. Вроде как побежала, мяч внизу держит, и вдруг – раз! – мяч в воротах. Соня умела хитрить. Маша пасы теперь даёт только Соньке, а Марине – никогда. Поначалу Маша только Марине пасовала, но Марина мяч теряла, и Маша на Марину наорала, её даже с площадки на две минуты удалили. Маша на Марину вообще с кулаками полезла. Судья игру остановил. Противник-то от Маши часто по мордам в гандболе получает, но

чтобы игрок на своего же накиннулся... Марина совсем растерялась, Елена Валерьевна её заменила. А Сонька бегала себе крайней и бегала. То, что тренер выпускала на площадку мелкую, выводило Марину из себя, ещё больше выводило, что все думают, что Соня лучше Марины играет. Почему парни девяносто девятый-двухтысячный играют отдельной командой, а эта мелкая Соня – с ними?! Марина, пока стенку подпирала, спросила у Елены Валерьевны – ведь в запасе стоят девочки старше.

Но Елена Валерьевна, как всегда, грубо отшила:

– Нет у меня команды мелких. Соня рослая, нормально. Ты бы лучше о своём пасе думала. Лапша, такая лапша и руки дырявые, точный пас принять не смогла.

«Лапша» Марину так все здесь на гандболе и звали...

Марина пожалела, что полезла с вопросами. Елена Валерьевна нервничала на турнире, ругалась с арбитром из-за Вари – судья назначил семь метров, по мнению тренера Варя заслуживала только десять метров. В итоге Варю удалили на две минуты, а Елене Валерьевне показали жёлтую карточку...

Глава четвёртая. Стукачка

В спортивном корпусе были медицинские кабинеты. Сказали, что будет медосмотр. Их команде назначили на рано. Но тренера не было. Елена Валерьевна пришла спустя два часа с каким-то странным лицом, то ли до смерти напуганная, то ли просто сильно злая. Она не говорила, а рычала. Сунула Маше какие-то листки:

– Веди, Машуль, команду. Если меня позовут, в зале найдёшь.

Потом узнали, что у Елены Валерьевны в этот день умер отец. Совсем ещё не старый. Сердце...

На медосмотре к невропатологу вошли скопом.

– Курите, пьёте, матом ругаетесь? – неожиданно спросил врач и почесал усики.

Все молчали. Матом в раздевалке ругались все, кроме Сони. Что с этой Сони взять. Один раз зашёл разговор о сексе, Соня спросила: а что это?

– У родителей спроси, – презрительно бросила Марина.

С тех пор, если Соню у гардероба встречала мама, то с ненавистью смотрела на Марину. Марина смело смотрела в ответ, не опускала глаза. Ей бы было легче, если бы эта здоровая неухоженная некрасивая тётка в дешёвых джинсах что-нибудь ей сказала, не молчала. Но тётка молчала, и от этого у Марины ещё больше портилось настроение.

– Ну так что, девочки? Как дела с дурными привычками? – спрашивал невропатолог, выводя нечитабельные каракули на листочках.

Все молчали.

– Одна команда?

– Одна.

– И ты, малышка, Максимова Соня, с ними?

– Да, – ответила Соня. – Там ещё девочки младшие были. Но Любушкина всех обижала.

Они и ушли. Осталась только я.

– Любушкина? Кто тут Любушкина?

– Я, – скромно улыбнулась Марина. Она ничуть не испугалась. А вот Маша почему-то покраснела.

– Не куришь? – непонятно было, зачем врач это спрашивает.

– Нет.

– Но ругаешься? Как, Соня, ругается Марина?

– Да, – сказала Соня.

И вот тут Марина почувствовала, что краснеет. Невропатолог между тем всё что-то строил в бумажках и ухмылялся сквозь усы. Он отдал листочки Маше:

– Следи, капитан, за дисциплиной. Гандбол – нервная грубая игра. Что, девчата, главное и в жизни и в спорте?

Все молчали.

– Держать себя в руках. Не выходить из себя. А то можно и обратно не вернуться, красная карточка... удаление до конца жизни... то есть игры... мда...

После этого злополучного медосмотра Марина притихла, не приставала к Соне – вдруг невропатолог донесёт Елене Валерьевне? Но прошёл турнир, на котором они заняли последнее пятое место, прошло больше месяца со смерти отца Елены Валерьевны, и тренер стала такой же, как была, без того растерянного странного старящего её лица.

Маша после турнира перестала издеваться над Соней. Но Марина действовала теперь с Варей. Они с Варей больше не лезли в Машину «тройку», точнее Маша и девчонки как-то отделились от Марины и Вари. Маша вообще стала уходить в другую раздевалку, к старшим. Она и тренировались теперь иногда со старшими.

После тренировки, если не было посторонних девчонок из групп ОФП, неповоротливых целлюлитных клуш, Марина говорила Соне с издёвкой:

– Ой, ну как ты, Сонь? О-оо: сапоги? Посмотри на свои сапоги! Позор, да, Варь? Мальчик-то есть у тебя? Гуляешь?

Соня молчала, краснела.

– Я в четвёртом классе, очень любила потусить. А сейчас мой парень никуда меня не пускает – только с ним, только с ним, – кривлялась Марина, гордо застёгивая лифчик.

– А чё ж, Марин, он на турнир не пришёл, твой парень? – басила Варя, переплетая косу. Варя любила расчёсываться в раздевалке, чтобы все видели, какие у неё роскошные волосы.

– А зачем?

– Ну как? У старших девчонок друзья приходили.

– Так то – старшие. Они чемпионки. А мы последние. Я позориться не хочу.

– Ты пасы слабые даёшь. И не метко, – сказала вдруг Соня.

– Можно подумать ты сильные, ты вообще под конец игры не бегаешь, а пешком ходишь.

И чего только тебя Елена Валерьевна ставит с нами?

– Нет команды моего года, вот с вами и бегаю.

– Смотрю: вместо уродского рюкзака сумку уродскую таскаешь? – Марине хотелось побольнее уколоть Соню.

– Да ладно. Классная сумаха, – вступилась вдруг Варя.

Сумка, и правда, была хорошая, спортивная, в цветочек. Марина и сама о такой мечтала, а то рюкзаки эти надоели. Ещё круто, когда сумка и рюкзак из одного материала. Соня как мысли её прочитала:

– У меня ещё рюкзак такой. Мама купила.

– Твоя мама дура, – сказала Марина.

– Сама ты дура, – сказала Соня и вышла из раздевалки.

– Видела: она чуть не заревела, – рассмеялась Марина.

Варя загоготала. И Марина поняла, что Варя её одобряет, а с сумкой так только прикалывалась. Они как можно дольше сидели в раздевалке, пока Александра Юрьевна не постучала:

– Девочки! Сколько можно?! Мне убираться. (Александра Юрьевна подрабатывала уборщицей по совместительству.) И смотрите у меня: девочка в слезах вышла. Мама её уже мне жаловалась. Не обижайте никого. Тут же спорт, не школа.

«Да пошла ты», – подумала Марина. Но вслух ничего не сказала, мило, даже виновато улыбнулась. Она была довольна собой. Значит, мать Сони уже жалуется. Ну-ну. Хорошо, что Елена Валерьевна ни с кем из родителей не контактит, не разговаривает, вниз, к гардеробу, не спускается, на трибуны во время тренировок не пускает. Сколько раз бабушка Вари просилась «тренировочку посмотреть», Елена Валерьевна – ни в какую: «Только на игры!» – говорит. И телефон свой никому не даёт. Если, тренировка отменяется или переносится, звонит Вика – капитан старших девочек.

С этого дня, когда Соня чуть не расплакалась, Марина решила мучить Соню и во время тренировки. Чтоб не стучала невропатологу, чтоб мама её администратору не жаловалась. Нередко Марина попадала во время упражнений с мячом в пару с Соней – пары всё время менялись. Марина целилась в Соню, ей в лицо, вкладывала всю ненависть, всю силу. Иногда Соня пропускала броски, тёрла скулу – гандбольный мяч быстрый, удар от броска болезненный, жаль, что у Марины пока сильно не получается.

Глава пятая. Весенняя паника

В апреле Юлька заболела. На тельце у неё образовалась опухоль. Марина запаниковала, полезла в интернет, но интернета не было, мама не оплатила. Пришлось просить Кису. Эсеску она ему тоже послать не могла – денег на счету не было, ждала следующего дня. Она привыкла к Кисе за этот год, ей было приятно, что в классе никто больше не прикалывается над её рассказами о папе, больше никому ничего и не рассказывает. Только Кисе врала как раньше. Если Киса приглашал её в кино на выходных, Марина отвечала, что не может, что идёт туда-то и растуда-то с папой.

– Я посмотрю дома в сети, скажу насчёт улитки, – с готовностью отреагировал Киса.

– Спасибо, Валер. Мне в общем-то по фиг. Всё-таки улитка, не собака там, не кошка, но привыкла я к ней. Она тихая такая, мокрая...

На следующий день Киса, ухмыляясь, принёс распечатку:

– Читай!

Марина стала читать. Оказалось, что опухоль – это половой орган. Юлька повзрослела, ей нужна пара. «Пара из другой генетической линии» – это они смеялись уже вместе с Кисой, когда он провожал её из школы домой. Впервые Марина позволила ему это!

– Я и смотрю, Валер. Она теперь меня не ждёт, всё ползает по стеклу, мечется. Ну, насколько это возможно при её темпераменте. Раньше по руке ползала, а теперь всё в скорлупе и в скорлупе. Салатик есть перестала. А то ещё, знаешь, забьётся в угол, закопается в землю, я её и найти не могу.

– А купаться?

– Я так испугалась этого отростка, что перестала купать.

Они поехали в магазин за второй улиткой. Мама без звука дала денег, Марина естественно сказала Кисе, что деньги дал папа.

– Ахатины– гермофородиты, – радовался непонятно чему Киса, обняв Марину. Она впервые дала себя обнять, она несла коробочку с новой улькой.

– И как назвать-то эту новую?

– Назови Валера.

– Нет. Назову Киса.

Киса обиделся, засопел. Зачем, зачем Марина его обидела? Ведь, Киса с ней пошёл в магазин, выбрал улитку, вообще было всё замечательно. С другой стороны – он её в пятом-шестом классах сильно обижал. И ей до сих пор приходится продолжать врать ему об отце. А как не врать? Если уж столько наврала, признаться нереально. Киса снял руку с её плеча. Ну и пусть. Киса не стал её чмокать в щёчку у подъезда. Ну и пусть.

– Да ладно. Назову Валерой.

Киса даже не обернулся.

– Валер! Не куксись!

Киса проигнорировал и это.

Ну и пусть.

Юлька! Только Юлька никуда от Марины не денется, никогда её не предаст. Юлька! У тебя теперь пара из другой генетической линии!

Паника! Юлька отложила яйца! Или это Валерка отложила яйца? А может быть они обе?

Паника! Елена Валерьевна сказала, что будет лагерь. И надо пятнадцать тысяч рублей.

Так... по порядку. Хорошо, что ещё оставались копейки на счету – она тут же послала эсеску Кисе. Сообщения ей даются легко, не то, что телефонный разговор. У неё врождённая грамотность, и стиль, и всё такое письменное. Ей про грамотность на вступительных экзаменах

сказала Алевтина Ивановна. Марина даже предположить тогда не могла, что будет спорить с такой уважаемой учительницей на факультативах. А вот – спорит теперь. Все молчат, половина вообще не врубается, не понимают, посажены на фэнтези. Как их только в эту гимназию взяли, может, они классом ошиблись – им же всем не в лингвистический, а в какой-нибудь Хогвартс.

Она написала Кисе про яйца. И спросила: ЧТО ДЕЛАТЬ?

На следующий день Киса молча сунул ей распечатку – он всё ещё обижался, но с парты не отсаживался, рюкзак носил по-прежнему, и провожал, но всё молча, или почти молча – односложные какие-то предложения. Она почитала распечатку, поблагодарила:

– Спасибо. Так и сделаю. Может, заберёшь Валерку?

Киса вздрогнул:

– Всё-таки Валерой назвала?

– Ну так. Ты ж обидчивый такой.

– Валеру заберу. Ты только всё объясни мне. Как купать, где держать, чем кормить.

– Главное – аквариум. Но первое время можно и в банке.

– Нет уж. Попрошу денег у мамы. На террариум. Или нужен обязательно аквариум?

– Аквариум лучше, – улыбнулась Марина, она впервые улыбнулась Кисе по-доброму, обрадовалась, что Юлька опять останется одна и яйца эти закончатся, но и Валеру Марине хотелось пристроить в надёжные руки. Марине было неприятно, что Юлька забыла о ней, променяла её на другую генетическую линию. Если Марина брала её в руку, она не вылезала из домика. Показывалась только под струёй воды. Но и с Валерой Юлька теперь не «общалась». Ползала вдалеке, спала тоже отдельно. А раньше-то – всё рядом, рядом, и даже вплотную. В общем, Юлька оказалась большая эгоистка. Отложила яйца и бросила их. Валерка тыкался в них, видно хотел сожрать, но у него ничего не выходило. Марина торопилась домой.

– Блин! Ты так ходишь быстро!

– Спортom заниматься надо. – Марина забрала у Валеры рюкзак, побежала по лестнице вверх, на свой пятый этаж. Влетела.

– Бабушка! Где у нас банки?

Бабушка сидела у телевизора, не сразу откликнулась.

– На балконе. Не лезь, не лезь, Мариночка. Я сама. – бабушка, путаясь в махровом халате, поднялась с кресла.

Но Марина сама нашла банку на балконе; из горшка с алоэ сыпанула в банку землицы, побежала в свою комнату. Ули опять были вместе. Рядом! Панцирь Юльки потемнел за это её брачное время. Валерик была крупнее, с панцирем коричнево-чёрным.

– Ты мой моллюск, иди ко мне, иди, – Марина протянула руку и схватила Валерика. – Не надо мне больше детей, понял? Не надо. Всё. До скорого. Юлька соскучится, я тебя опять попрошу. – Она как можно аккуратнее усадила Валерика на дно, но Валерка тут же пополз. «Совсем ополоумел, – подумала Марина. – По идее он прятаться должен. Юлька всегда в домик пряталась, если её на новое место сажали».

Она накрыла банку полотенцем, вылетела из квартиры – пока бабушка будет проводить ревизию на балконе, Марина успеет отнести Валерика Валере. Она аккуратно побежала вниз по ступеням. Она была почти счастлива. Сами собой, через шаг, рвались на волю слова, слоги, звуки:

Су-хо-путная улитка

Ты ползёшь довольно прытко.

Домик круглый покидаешь

Прыг в троллейбус – исчезаешь...

Почему в троллейбус, Марина объяснить не могла, и почему *прытко* не знала. Хотя *прытко* – потому что *улитка*, рифма.

– Ты чего это? – удивился Валера. – Поёшь, что ли?

Марина опомнилась. Она выбежала из подъезда, повторяя слова – спалилась.

– Пушкина повторяю.

– А-аа, – Киса посмотрел как-то странно. – Странный какой-то Пушкин. Троллейбусы воспевают.

Вокруг бушевала весна. Рождались на деревьях липкие листики. Цвели яблони-китайки. Гудели по магистрали троллейбусы... *Троллейбус-троль в заиндевелый вечер*, – вспомнила Марина совсем не по времени другое своё стихо, над которым так смеялись в старой школе. Марине захотелось обнять Кису, пойти с ним гулять. Это их с Кисой мир. Эти деревья, эти клейкие листочки, этот город. Это их время. Наплевать на остальных. Все вокруг вон из их мира!

– Ули не любят света. Ты знаешь, Валера какая-то нервная сейчас. Паника у неё. Боюсь, она и тебе кладки устроит.

– Пусть. Есть же рецепт, – отозвался Киса. Он не смотрел на Марину. Наверное, он уловил её мысли, её желания... Киса покраснел как рак. Его неловкость передалась Марине.

– Да-да. Пойду, Валер. Побегу. А то ещё повыведутся. И куда их. В дикой-то природе улины яйца черви съедают, жуки. А у нас червей нет. Если не считать сухих червей, в корме.

Валера грустно улыбнулся, чмокнул Марину в щёку, и она, довольная, что помирились, побежала скорее домой. Влетела в квартиру. Бабушка всё ещё шуровала на балконе. Ну, старики они такие, всё чего-то шебуршатся, всё пытаются контролировать. Эти банки сто лет на балконе стоят. Бабушка варенье варит. Раньше ещё консервировала: огурцы, грибы, перцы, синенькие – для Марины всё это под запретом, потому что с солью и уксусом. Пока папа с ними жил, всё это готовилось десятками банок. Теперь нет. Теперь только варенье, и то больше по инерции... Бабушка копалась на балконе – Марина копалась в земле, выискивая яйца – всё-таки ули успели их разнести-разбросать. Надо сразу было, – бесилась Марина. – А теперь выбирай их. Вроде бы собрала в пластиковую коробочку все яйца, тщательно ещё раз, пальцами, прощупала землю. Положила коробочку в морозилку. Ночью встала, взяла деревянную толкушку и стала толочь замороженные яйца. В кухню вошла заспанная мама:

– Ты что, Марина?

– Ничего. Улька яйца отложила, я их заморозила, теперь крошу, чтоб их ей же скормить.

– Ужас какой!

– Всё по инструкции, из интернета.

– А почему ночью, Мариночка?

– Мама! Уля ночной моллюск!

Она хотела сказать как обычно «мама отстань», но как раз по риторике прошли синонимические образы речи, рерайт. Слова можно говорить любые, важна интонация – убеждала Алевтина Ивановна. Марина испытала новое знание на маме, и это сработало. Мама спокойно пошла спать. Марина высыпала яичный порошок в аквариум – можно сказать, развеяла пепел по ветру. «Надо было пепел на листочек салатный положить, так легче бы Юлке было. Хотя... пусть тренируется, двигается в своём замедленном темпе. И пусть мне приснится, что в затор-моженном мире тормозов моя Юлька самая быстрая». Но Марине ничего не приснилось.

Глава шестая. Аномальная жара

Паника! Жёлтый уровень опасности! Аномальная жара!

Киса уехал на дачу. Хотя обещал сидеть в городе всё лето ради неё, ради Марины. А вот – сбежал. Жара – хорошо так за тридцать. И уже загорелись леса. Запах гари иногда приносит ветер.

Паника дикая. Все бегут. Утром из-за смога не видно в окна ничего. Мама звонит папе. Второй раз за три года! Требуется, чтобы папа позвонил Елене Валерьевне. Папа юрист, адвокат, он знает, как разговаривать.

– А ты социолог! – орёт папа в трубку так, что Марина всё прекрасно слышит. – Ты привыкла общаться с людьми.

– А ты не привык?

– Меня достали люди! – визжит, как девчонки у них в школе, папин голос. – Я бесплатно с ними не общаюсь, поняла?

– Но это твоя дочь! – плачет мама.

Марина не плачет, как мама, нет, не причитает по-бабьи. Марина спокойно берёт Юльку, несёт её под кран. Юлке тяжело. Жара и пустыня – не её стихия. Всё голо, всё пресно, катятся по пустыне перекасти-поле родительских ссор и взаимных обид.

– Просто папа бабник, – шепчет Марина Юльке. – Сам виноват, и поэтому хочет доказать, что мы с мамой плохие. Конечно, мама и бабушка после операции меня оберегали, не разрешали ни с кем общаться...

– Бабушке как всегда повезло, умотала в санаторий по путёвке собеса, – мама сидит за столом со стаканом пива, обмахивается веером. Толстые рыхлые руки, круглое как блин лицо.

Конечно, можно поехать к папе на дачу.

– После такого разговора? – мама делает большой глоток. Пиво пенится, сквозь стакан видны пузырьки, похожие на улины яйца... – Да лучше тут стореть, чем унижаться.

Марина не согласна. Ну и что, что папа не приглашает, можно попроситься, можно подружиться с новой женой. Но мама против: ехать на дачу, где Марина к тому же покалечилась – это выше её сил.

А Марине всё равно. Тем более, что того «обрыва», крыши подземного гаража, больше нет. Не будет же папа гробить своего нового ребёнка, кстати, тоже девочку.

– Ой! Ну что? – пиво заканчивается, мама успокаивается. – Придётся самой Елене Валерьевне звонить. Знаешь, Марин, я эти пятнадцать тысяч для тебя еле у него выпросила. Думала: не даст, не поедешь в лагерь. Но он почему-то вдруг взял и на карточку мне перечислил. И не пятнадцать, а двадцать! Ну и алименты сейчас большие для тебя пошли. Вот, в бассейн всё лето ходишь, каждый день. Сто восемьдесят рублей сеанс помножим на тридцать дней. Да... Папа поднялся, стал зарабатывать... – мама допила пиво. На кружке нарисован солдат, толстый, комичный, неуклюжий, надпись: «Praga».

– Ох! Хорошо, я вентиляторы в начале лета купила. – радуется мама, повторяя про вентиляторы в сотый раз. – Я-то ещё ладно, у меня кондиционер на работе. Но как ты тут вес день!

– Мам! – Марина спокойно переносила жару. – Главное – бабушки дома нет, всё-таки возраст, давление.

– Да-да, – шепчет мама. – От давления сейчас все страдают.

– Мам! Ну и бассейн очень кстати. У тебя кондиционер, у меня – бассейн. Там тоже кондишн.

– Надо было раньше тебя в бассейн отдать, лет так в шесть. Всё инфекций боялись, – вздыхала мама. Она говорила в нос, растягивая слова, чуть запинаясь...

Дым менялся. Он был то густой, тягучий. То вдруг лёгкий, как вуаль, сквозь него почти всё было видно. Вот этот прозрачный и был самый едкий. Он забивал горло маме. Она не могла вздохнуть, мучилась бессонницей. И пила, чтобы заснуть.

– Кто кондиционеры ставит, сейчас озолотились. Вентиляторы во всех магазинах хватили, – мама говорила всё невнятное, язык заплетался. – Заметила, Мариночка? Город как после атомной войны. Вымер.

Марина кивала. Она ходила в бассейн через пять светофоров и десять дорог. И впервые не боялась. Машин было мало, прохожих и того меньше.

– Ну как там в бассейне?

Марина послушно «пошла на второй круг», рассказала об инструкторах.

Бассейн открылся после санитарного отпуска в середине июня – когда началась жара. Елена Валерьевна сказала, что в лагере – водоём. Марина не умела плавать. Никогда даже в воду не заходила – боялась воды. Бабушка посещала бассейн по пенсионному льготному абонементу, она и сообщила, что летом в бассейне два раза в день сеансы с инструктором. Никаких групп и абонементов. Приходишь и плаваешь с детьми, которых видишь первый и последний раз. Инструкторы менялись каждые два дня. А дети вообще каждый день новые, в основном мелкие. Иногда Марина вообще одна. В бассейне – мощные кондиционеры, выводят конденсат на улицу, он знай себе покапывает на асфальт. Оазис! Желающих посетить «оазис» в смог прибавилось. Когда почувствовала, что не тонет, когда перестала сильно уставать, Марина стала думать, размышлять, плавая с досочкой, анализировать: как бы так стать капитаном команды вместо Маши. Пока она бежит по краю. «Лапша! Лапша!» – рычит Елена Валерьевна. Ну да: бросок у Марины слабоват, рука не разгибается, бросок вялый, близкий, не точный, а на боковой нужно быть техничной и быстрой, чтобы не давать мячу уйти. Вот поедет в лагерь, будет тренироваться, оттачивать бросок, надо будет посмотреть, как старшие девочки руки закачивают. План такой. Первый этап – избавиться от жирной Вари, почему она полусредняя, почему? Марина тоже может нападать. Почему Маша – распасовщица? Пусть тогда Варя на центре. Нет, центральная должна быть юркой как Маша. О! У старших девочек линейная, та, что защищает ворота – дико жирная, огромная. Пусть Варя будет линейной. Елена Валерьевна на тренировочных играх вообще линейного не ставит. В гандболе же можно играть впятером, а не вшестером. А Марина должна пробиться в полусредние. Она хочет нападать, она хочет зависать в прыжке так же, как тот парень с гигантского фото. Но для этого нужны сильные ноги, для такого-то прыжка... Надо не жалеть себя, надо тренироваться... Фууу... Марина в конце сеанса всегда так говорила: «Фууу».

– Точно теперь не опозорюсь, когда плавать в лагере пойдём, Елена Валерьевна сразу увидит, как я хорошо плаваю, – делилась Марина с Юлькой. Но Юлька слушала невнимательно. Оживала только под краном. Марина стала лить воду в аквариум, на землю. Вообще-то, ули этого не любят. Но Юлька сразу ожила в этой грязи. Отлично. В жару не надо сажать Юлю к себе на руку, лучше просто облокотиться на аквариум и рассказывать. Юлька так лучше воспринимает, до неё быстрее доходит...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.